

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КОРНИЛОВ

ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР НАУКИ
(1879—1957)

Этот человек, которого Г.И. Челпанов назвал «философски беззаботным», несколько позже был признан «первым советским психологом» за то, что в 20-х гг. смог возглавить методологическую перестройку отечественной психологии на основе диалектического материализма.

Константин Николаевич Корнилов родился 24 февраля (8 марта) 1879 г. в Тюмени в семье бухгалтера казначейства. Окончив городское училище, он поступил в Омскую учительскую семинарию, которая, по его воспоминаниям, в то время, когда поговаривали о передаче всех народных школ в духовное ведомство, представляла собой довольно светлое явление. «У всех нас, — писал К.Н. Корнилов, — долго сохранялась в памяти пропитанная высоким идеализмом вступительная лекция директора о той... великой роли, которую призван играть учитель в народной жизни... Это искреннее обращение к нам находило горячий отклик в нашей душе: мы готовы были отречься навсегда от всех благ внешней культуры, чтобы только отдать себя всецело на служение нашему меньшему брату»¹.

В 1898 г. семинария была окончена, и начался срок обязательной службы — в качестве народного учителя в глухих уголках Алтайского края. Первое назначение было в только что открывшуюся железнодорожную школу. В 1912 г. он

вспоминал: «Я мог всецело войти в постановку школьных дел и устроить все так, как мне хотелось, не считаясь ни с какими традициями. Я с такой энергией принялся за дело, что впоследствии мне... не приходилось переживать такого высокого душевного подъема»². Но вскоре идиллия трудового порыва была разрушена. Характерное для российской действительности тех лет пренебрежение к интеллигенции ставило провинциального учителя в крайне униженное положение. Ощутить это на самом себе пришлось и Корнилову. За время своего сибирского учительства он получил два серьезных выговора: один — за то, что при посещении его занятий членом Министерства народного просвещения прошелся взад и вперед во время урока, а не стоял все время навтыжку, а второй — за то, что, провожая инспектора, вышел первым в дверь, не пропустив вперед начальства.

Не удивительно, что по окончании срока обязательной службы Корнилов предпринял решительные шаги, чтобы избежать зависимости от провинциальных чиновников. Путь к этому лежал через университет. К 1905 г. Корнилов самостоятельно подготовился к гимназическому экзамену на аттестат зрелости и выдержал его. В этом же году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, окончил

¹ *Северный К.* Очерки жизни сибирского учителя // Сибирские вопросы. 1912. № 24. С. 14.

² Там же. С. 15.

его в 1910 г. и был оставлен при нем для подготовки к преподавательской и научной деятельности в области экспериментальной психологии. В эти предвоенные годы общее руководство Психологическим практикумом Московского университета осуществлял Г.И. Челпанов, сводивший все обучение лишь к выработке умения обращаться с приборами, — «по существу, о том, как провести экспериментальное исследование, ничего не говорилось»³. В 1915 г. Корнилов состоял уже старшим ассистентом при Психологическом институте Московского университета, выполняя роль непосредственного помощника Челпанова, директора института, а в 1916 г., сдав магистерский экзамен, стал приват-доцентом по экспериментальной психологии.

Более всего его интересовали проблемы, связанные с педагогикой и психологией личности, а в Психологическом институте изучались совсем другие проблемы. Здесь считалось, что предметом психологического исследования могут быть лишь элементарные психические процессы. Причем большинство работ, проводившихся в это время в институте, предполагали повторение того, что описывалось в зарубежных учебниках по экспериментальной психологии (Вундта, Титченера). Первые два цикла исследований Корнилова по скорости реакции (1910—1912 гг.)⁴ проходили по принятой в институте схеме: вундтовская методика сочеталась с опросом испытуемых относительно их переживаний. В рамках этих, начальных, исследований им была получена очень интересная (прежде всего для понимания его ожиданий) закономерность, в то же время совершенно недостоверная, так как выборка состояла лишь из 16 человек. По скорости реакции выделились две полярные, без промежуточного типа, группы испытуемых: «быстро реагирующие» и «медленно реагирующие».

Пытаясь как-то объяснить эти результаты, Корнилов обратился, в частности, к теории

«психодинамики» датского психолога А. Лемана, который постулировал существование особого вида «мозговой энергии», обладающего и психическими, и физическими свойствами, и который связывал силу ощущения с пропорциональной тратой данной энергии. При трактовке психического как особого вида энергии, которая, согласно аналогии с физической энергией, должна передаваться, накапливаться, количественно выражаться, Корнилов дал следующее описание обнаруженных типов: у «медленно реагирующих» «мозговая энергия» тратится на сенсорные процессы, что обуславливает возникновение интенсивных ощущений, а у «быстро реагирующих» она сразу переходит вдвигающийся орган. Одновременно он пришел к заключению, что классический эксперимент по исследованию скорости реакции, чтобы служить для операционализации такого понимания психического, нуждается в существенном дополнении. Новая методология, предложенная им, была ориентирована на изучение «динамических аспектов» реакции. В соответствии с ней была несколько видоизменена (но не так сильно, чтобы можно было говорить об отходе от вундтовской методологии) схема эксперимента. Теперь регистрировались кроме скорости реакции («временной момент») и другие ее характеристики: показатели интенсивности, или силы реакции («динамический момент») и ее формы, т. е. пройденный работающим органом путь и скорость его движения («моторный момент»). Для этого Корниловым был сконструирован специальный прибор — «динамоскоп», позволяющий регистрировать скорость реакции (при помощи хроноскопа), ее интенсивность (по силе нажатия руки на специальный ключ) и форму (при помощи кимографа). Этот «динамоскоп» должен был служить средством измерения умственного напряжения (предполагалось, что чем слабее нажим, тем сложнее умственная задача).

³ Блонский П.П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 64.

⁴ Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («реактология»). М., 1921.

На протяжении почти 10 лет Корнилов проводил экспериментальную работу, которая включала в себя тысячи опытов, по-видимому чрезвычайно утомительных и для экспериментатора, и для испытуемых. Интересно отметить, что через эти опыты в качестве испытуемых прошли будущие известные отечественные психологи: В.М. Экземплярский, П.А. Рудик, С.В. Кравков, Н.Ф. Добрынин, А.А. Смирнов, П.А. Шеварев, П.М. Якобсон и другие. В этих опытах Корнилов попытался доказать истинность своих представлений о том, что центральные и периферические компоненты реакции находятся в обратно пропорциональной зависимости, а между скоростью и силой реакции существует прямо пропорциональное соотношение. Но серьезных подтверждений исходных гипотез получено не было, разбиение исследования на циклы — анализ «натуральных», «сенсорных», «моторных» и прочих реакций — позволило рассматривать только те циклы, в которых наблюдалось какое-нибудь согласование с исходными положениями. В частности, показатели минимальной связи скорости и силы реакции были получены лишь на «сенсорных» реакциях, а на «натуральных» и «моторных» такой связи обнаружить не удалось. Перейдя от простых двигательных реакций к сложным (различение, узнавание, выбор), Корнилов «зафиксировал», что при таком переходе сила ответного движения уменьшается (в действительности не увеличивается). На основании этого он сделал категорическое заключение: «Чем больше усложняется и становится напряженным центральный мыслительный процесс, тем менее интенсивным становится внешнее выявление движения»⁵.

Еще менее связанными с экспериментальными данными, хотя, может быть, и более правильными были общие постулаты, которые Корнилов сформулировал в «Учении о реакциях человека...». Эта работа была оформлена как диссертация, хотя в корне противоречила пред-

ставлениям Челпанова, начиная с отчетливо сформулированного требования отделения психологии от философии (которое в устной форме прозвучало еще в 1913 г. в выступлении Корнилова на II Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике). Это был очерк о новой, разрабатываемой Корниловым психологии, получившей название «реактология». Ключевое понятие этой науки — понятие реакции, которое охватывало любое жизненное проявление, актом биологического порядка и характеризующим взаимосвязь организма и окружающей среды. Реакция — это целостная функция организма, где существует и физиологическая сторона, и ее интроспективное представление: то, что мы субъективно воспринимаем как психические процессы, объективно оказывается не чем иным, как особым проявлением «нервной энергии». И если в неорганическом мире происходит лишь зарождение активности в форме движения, то в органическом — разряды этой «нервной энергии» наряду с движением влекут за собой и то, что мы называем одушевленностью. Реакция представляет собой единицу анализа поведения как человека, так и простейших организмов, но реактология призвана изучать прежде всего человеческое поведение, понимаемое как совокупность реакций на био-социальные раздражители. Кстати, по сравнению с американским бихевиоризмом реактология имела то очень существенное преимущество, что экспериментальная ситуация в ней понималась значительно шире: «Как сенсорный, так и двигательный моменты в акте реакции бывают даны в скрытой форме, не как ответ на внешние раздражители окружающей среды, а как ответ на раздражение внутреннего порядка»⁶. Поэтому, хотя всякий целостный процесс в психике является лишь реакцией, с помощью мысленного абстрагирования в ее структуре можно выделить три компонента:

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 12.

сенсорный — раздражение органа, центральный — процесс в центральной нервной системе, моторный — двигательный импульс. Несколько иначе это было выражено так: «Первично данным проявлением психики служит акт реакции, включающий в себя и интеллектуальные, и эмоциональные, и волевые моменты»⁷. В этой формулировке можно было бы увидеть идею единства аффекта и интеллекта, развивавшуюся позже Л.С. Выготским, но в действительности Корнилов вносил в нее существенно другое содержание. А именно в настоящее время в силу методической ограниченности, о психической жизни (точнее, о количестве психической энергии, затрачиваемой на те или иные субъективные процессы) мы можем судить лишь косвенно, по тому остатку, который расходуется на конечном этапе реакции — в движении.

Пытаясь конкретизировать постулат о «нервной энергии», Корнилов сформулировал так называемый «психологический закон однополюсной траты энергии». Организм, по его мнению, располагает ограниченным количеством «энергии», которая может тратиться либо в умственной (центральной) системе, либо в двигательной (периферической). Трудно удержаться, чтобы не привести здесь иллюстрацию, которую он дает своему «закону»: «В то время как какой-нибудь земледelec или шахтер со всем напряжением своих мускулов, так что дымится тело и рубашка, держит нижнее do, интеллигент заливается на верхнем si, напрягая свою мозговую работу иногда до того, что дымится череп. Но по существу вся разница между ними лишь чисто локального порядка: и тот и другой оплачивает свою работу тратой одной и той же физической энергии, только один затрачивает ее периферически, другой — центрально»⁸. На этом же основании был сделан вывод — уже философского плана — о противоположности интеллекта и воли.

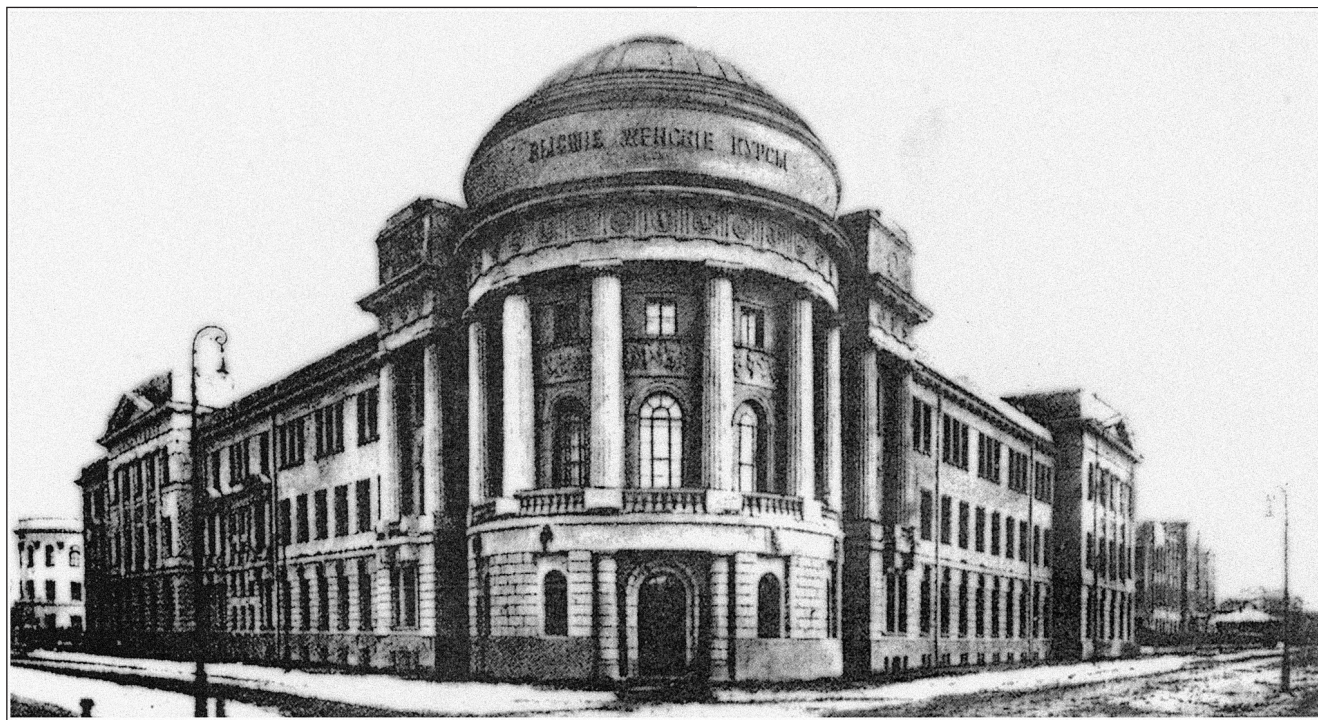
Все разнообразие реакций человека Корнилов классифицировал по некоторой гамме, представленной следующим рядом: натуральная, мускульная, сенсорная, различения, выбора, узнавания, ассоциативная реакция. На основе своего предположения о достаточности для полного описания поведения человека именно этих реакций им были сделаны и определенные практические выводы: предлагалась схема для отбора рабочих на те или иные профессии по выраженности в этих профессиях соответствующих реакций. При этом был сделан весьма занимательный вывод, что переход от умственной работы к физической легче, чем обратный: «Создать из интеллигентного человека представителя физического труда является более легкой задачей, нежели из профессионала физического труда сделать интеллигентного человека»⁹. Важно, что в этих постулатах реактологии, в отличие от психологических построений Челпанова, отчетливо чувствовались запросы реальной практики и находила свое выражение ориентация на анализ индивидуальных различий.

Надо сказать, что в годы перед революцией параллельно с экспериментальными исследованиями реакций Корнилов вел очень большую педагогическую работу, фактически никогда не прерывавшуюся. Преподавал педагогику в московских женских гимназиях. Из курса по дошкольному воспитанию, который он читал в Кружке совместного воспитания в Университете им. А.Л. Шанявского, получилась книга о педологии, изданная в 1916 г. под названием «Очерк педологии ребенка дошкольного возраста». Книга эта, возможно, и лишенная оригинальности, была интересна хотя бы тем, что в ней явственно чувствовалась глубокая любовь автора к детям. В том же 1916 г. он вместе с другими специалистами по экспериментальной педагогике включился в изда-

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Там же. С. 151.

ние «Коллекции простейших демонстрационных приборов по курсу психологии и педагогики» для Педагогического музея Учительского дома¹⁰. Получившаяся в результате этого книга представляла собой весьма примечательное явление, будучи очень полным руководством по использованию в школьном обучении различных методик: здесь предлагались методики (которые можно использовать и в настоящее время) для оценки ощущений, представлений, памяти, внимания, воображения, утомления, мышления, речи, чувств, воли и одаренности.

Октябрьскую революцию, с которой он связывал возможность коренного преобразования школьного образования, Корнилов встретил с подлинным воодушевлением. Он продолжал работу в Психологическом институте, где руководил практическими занятиями по экспери-

ментальной психологии. Но в первые годы Советской власти деятельность Института психологии свелась к минимуму. Корнилову было несколько проще, он продолжал свою педагогическую деятельность. Так, работая в Университете им. А.Л. Шанявского, в 1918 г. он опубликовал там очень характерную и для него самого, и для того времени книгу под названием «Конституция республики учащихся». Это действительно была конституция, где декларировались следующие положения: «Права человека и гражданина, составляющие неотъемлемую принадлежность каждого правового государства, должны быть признаны не только за взрослыми, но и за учащимися в школе. Общество и в частности школа должны признать права учащихся на неприкосновенность их личности, свободу собраний, слова и организаций»¹¹. Для

¹⁰ Корнилов К.Н., Рыбников Н.А., Смирнов В.Е. Простейшие школьные психологические опыты. 2-е изд. М., 1916.

¹¹ Корнилов К.Н. Конституция республики учащихся. М., 1918. С. 3—4.

более полной реализации этих прав предлагалась организация собственного самоуправления учащихся во внеурочное время по схеме государственного самоуправления, каждый класс при этом объявлялся автономной единицей — штатом, а все учебное заведение — свободной федерацией. Все граждане (т. е. учащиеся) должны выбирать своих депутатов в законодательный орган — парламент, занятый созданием законов. А для проведения в жизнь этих законов избирается исполнительный орган — совет министров во главе с президентом.

Первые послереволюционные годы для многих были временем творческих порывов, и Корнилов, по-видимому, вновь переживал тот подъем трудового энтузиазма, который был у него в начале сибирского учительства. В 1921 г. в Наркомпросе, оценив педагогическую работу Корнилова как очень важную, решили поручить ему создание педагогического факультета при 2-м Московском государственном университете. Этот университет был создан в 1919 г. на основе Высших женских курсов, и Корнилов был назначен деканом этого факультета и про-

Советская площадь в 1920-х гг.
(ныне — Тверская площадь).

Здание мэрии Москвы
(современное фото).

фессором кафедры психологии. Надо прибавить, что вскоре (в 1923 г.) он стал депутатом от московского студенчества в Московском городском Совете депутатов трудящихся и был им до последних дней своей жизни. Так что к моменту, когда Корнилов приступил к реорганизации отечественной психологии, он имел и опыт масштабной организационной работы, и достаточно хорошие деловые связи с наркоматами.

Публикация в 1921 г. Корниловым «Учения о реакциях...» символизировала для Челпанова окончательный отход от него его ученика. Хотя

он продолжал еще оказывать определенное влияние на состояние психологии в стране, но его подход — «чистый» лабораторный эксперимент — мало отвечал новым задачам, связанным с насущным моментом. Критика Корниловым теоретических воззрений своего учителя, особенно развернувшаяся после публикации его «Учения...», наряду с прочим опиралась и на философские аргументы. В августе 1922 г. прошла 2-я Всероссийская конференция РКП (б), в резолюции которой было записано, что надо поднять работу научно-коммунистической

мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма». Основой этой работы стала только что переведенная «Диалектика природы» Ф. Энгельса, а также программная статья Ленина «О значении воинствующего материализма», опубликованная в № 3 за 1922 г. первого советского философского журнала «Под знаменем марксизма», который редактировался А.М. Дебориным. Была предложена новая методология частных наук. И прошло совсем немного времени после публикации «Учения о реакциях...», но Корнилову его хватило, чтобы достаточно подробно познакомиться с новыми постулатами и категориями, связанными с марксизмом. А вскоре появилась и трибуна для отстаивания среди психологов новой, уже марксистской редакции реактологической теории.

В начале января 1923 г. собрался I Всероссийский съезд исследователей поведения. Удивительно, что, несмотря на разруху, во многих уголках России соответствующая работа, прежде всего по педагогической психологии и педологии, юридической психологии, психотехнике, психоанализу не прекращалась. На съезде нарком здравоохранения Н.А. Семашко призвал ученых к тому, чтобы в их работе «широкие массы трудящихся нашли научный ответ на волнующие современность вопросы». Вопреки этому выступления представителей традиционной, «чистой» психологии опять были посвящены решению «метафизических вопросов». В частности, Челпанов снова попытался поднять вопрос о связи психологии и философии, правда, давая новый для себя ответ: «Психология есть наука эмпирическая, ее область надо строго отграничивать от области философии». Но момент для таких заявлений был выбран явно неподходящий: настойчиво заставляли говорить о себе, с одной стороны, общественная практика, с другой — общественная идеология.

Наибольший энтузиазм у участников съезда вызвали сообщения об исследованиях, имеющих очевидно практическую ориентацию. И на этом фоне очень громко прозвучал доклад

Корнилова «Психология и марксизм», зачитанный им 14 января 1923 г. и вскоре напечатанный в указанном журнале, где он не только выразил мнение о необходимости поворота психологии к практике «социалистического строительства», но и наметил стратегию такого поворота на основе марксизма. Так, он провозгласил, что психология в новых условиях не может быть оторвана от идеологии, и вынес на обсуждение тезис Маркса о том, что необходимо не только стремиться объяснить мир, но и овладеть этим миром.

Развернувшаяся на съезде полемика между психологами, ратующими во главе с Корниловым за новую психологию, и психологами-идеалистами во главе с Челпановым перешла вскоре в открытую борьбу. И раньше она велась — в печати, в приемных наркоматов, — но теперь московские (да и не только московские) психологи в большинстве своем были на стороне Корнилова. Закономерно встал вопрос о смене главы Психологического института. И 5 ноября 1923 г. по решению Государственного ученого совета Челпанова на посту директора Психологического института сменил Корнилов. Сразу после смены руководства широко развернулась реорганизация института. Некоторые старые сотрудники Челпанова ушли, создавались новые отделы, но главное — появились сотрудники, до тех пор не очень известные в психологии или только что пришедшие с университетской скамьи.

С 3 по 10 января 1924 г. в Петрограде проходил II Всероссийский съезд исследователей поведения, на котором позиция марксизма в психологии еще более укрепилась. Корнилов, уже на правах лидера психологической перестройки, выступил с докладом «Диалектический метод в психологии», где попытался дать интерпретацию основных положений диалектического метода и показать их применение в психологических исследованиях («диалектизация психологии»).

Но хотя Корнилов провел очень большую и важную работу, популяризируя идеи марксизма среди психологов, в целом понимание им

марксизма было достаточно своеобразным. По его мнению, грядущая система марксистской психологии должна стать синтезом двух борющихся течений: эмпирического, или субъективного направления и рефлексологии, или объективной психологии. «Если мы обратимся к объекту эмпирической психологии, то мы найдем, что цельной человеческой личности нет, а есть лишь отдельные «способности», «душевные переживания», «явления сознания» и т. д.»¹². «Антитезом этой субъективной психологии я считаю объективную психологию... Если субъективная психология изучает отдельную человеческую личность, отрешенную от всякой среды, то психология поведения ставит своей задачей изучение именно этого взаимодействия человека с окружающей средой. Конечно, здесь нет еще анализа тех социальных корней, которыми определяется это поведение, а фактически это приспособление к повседневным жизненным условиям сводится к учету лишь биологических факторов»¹³. По образцу гегелевской триады учением, синтезирующим эти течения, может быть только реактология, подчеркивающая важность «социальных раздражителей» и на основе субъективных и объективных методов объединяющая все исследования психики.

После создания 15 мая 1924 г. Ассоциации научно-исследовательских институтов факультета общественных наук МГУ, куда вошел и институт, получивший теперь название Московского государственного института экспериментальной психологии, основное место в его работе стали занимать научные исследования работа по изучению поведения человека.

Следует также отметить, что в ряду других мероприятий по созданию марксистской психологии Корнилов (вместе с А.Б. Залкиндром и И.Н. Шпильрейном) предпринял очень важное

начинание — учреждение в 1928 г. журнала «Психология, педология и психотехника», в котором стал редактором «Серии А. (Психология)». Задачей этого журнала было «объединение психологов в целях дальнейшего строительства обслуживаемых журналом дисциплин на основании диалектического материализма, а также удовлетворение практических потребностей и запросов культурного строительства».

В январе 1930 г. проходил I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека, созванный по решению Главнауки Наркомпроса РСФСР, под руководством Н.А. Карева, А.Б. Залкиндром, И.Д. Сапира и К.Н. Корнилова. Корнилов и его ближайшие сотрудники продолжали настаивать, что именно они являются наиболее последовательными приверженцами диалектического метода в психологии. Но после «года великого перелома» (1929) начались инициированные И.В. Сталиным «повороты» на фронте естествознания и на философском фронте. И в конце 1930 г. в Институте психологии развернулась «реактологическая дискуссия», стоившая Корнилову поста директора (его занял А.Б. Залкиндром), а институту — смены названия — на Государственный институт психологии, педологии, психотехники и дефектологии (ГИППП). Летом 1931 г. состоялось партийное собрание по вопросу реактологической психологии, проведенное по инициативе ячейки ВКП (б), на котором главной ошибкой Корнилова было признано непонимание им сущности социального обусловливания сознания человека. В частности, А.А. Таланкин утверждал, что «ключ к пониманию проблемы сознательных форм поведения лежит в истории труда», в то время как профессор Корнилов «пытается дать характеристику трудовых процессов такого рода, которая годится также для лошади»¹⁴. Правда, в заслугу реактологии

¹² Корнилов К.Н. Психология и марксизм // Психология и марксизм / Под ред. К.Н.Корнилова. Л., 1925. С. 12.

¹³ Там же. С. 13–15.

¹⁴ Таланкин А.О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 42.

Политехнический музей. Левый корпус по проекту П. Воейкова и В. Ерамешанцева возведен в стиле модерн. Вход в Большую аудиторию музея

все-таки ставилась борьба с «реакционно-идеалистической психологией Лопатина, Челпанова и т. п., с одной стороны, и с енцименианством и рефлексологией, с другой». В результате этой дискуссии, которая, надо заметить, не имела для Корнилова трагических последствий, он, и то не сразу, вынужден был признать «свои ошибки» и окончательно отказаться от собственного учения о реакциях.

Этот отказ не означал для Корнилова отказа от активной жизненной позиции и вообще от научных исследований, которые велись им теперь прежде всего в области психологии личности. Его дальнейшая научная биография была достаточно продолжительна и плодотворна. В 1935 г. за разнообразную научную и педагогическую деятельность ему была присуждена, без защиты диссертации, ученая степень доктора педагогических наук; с 1938 по 1940 г. он снова директор Научно-исследовательского института психологии; после реорганизации педагогического факультета 2-го МГУ в Педагогический институт им. А.С. Бубнова (теперь — МГПУ) Корнилов оставался здесь до последних лет жизни профессором и заведующим кафедрой психологии.

По свидетельству современников (в частности, по воспоминаниям слушательницы его лекций А.И. Липкиной), открытость Корнилова к общению со студентами была чуть ли не самой яркой стороной его характера. Доброжелательность, бодрость духа коренного сибиряка, от которого неизменно веяло здоровьем, притягивали к нему молодежь. На его лекциях аудитория была всегда переполнена. Корнилова приходили слушать с других факультетов. Его знали как блестящего лектора все москвичи, интересующиеся психологией. Особой популярностью пользовались его публичные лекции о воспитании личности, которые он регулярно читал в Политехническом музее. Сложные вопросы психологической теории он иллюстрировал богатым жизненным материалом. В Педагогическом институте, в перерывах между лекциями он постоянно был окружен

юношами и девушками, обсуждавшими с ним разнообразные вопросы психологии. При этом он не боялся подтрунивать над собой. Так, одна студентка на экзамене, не зная материала, не смогла ответить, какие бывают виды ассоциаций. Корнилов же, всячески стараясь ей помочь, задал достаточно прозрачный наводящий вопрос. Какая — спросил он, ассоциация — по смежности или по сходству — имеется между ним самим и его шляпой, лежавшей рядом на столе. И когда девушка, растерявшись, ответила, что по сходству, Корнилов сначала за нее огорчился, но затем рассмеялся и сказал, что может быть, она в чем-то права и что он действительно в чем-то похож на свою шляпу.

С момента основания Академии педагогических наук РСФСР в 1943 г. он был ее действительным членом и вице-президентом (до 1950 г.); с 1946 г. он становится первым редактором журнала для учителей и родителей «Семья и школа» и остается им в течение 10 лет. Был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и медалями. Умер К.Н. Корнилов 10 июля 1957 г. в Москве.

Основной научной заслугой К.Н. Корнилова следует признать преодоление традиции, существовавшей некогда не только в Московском университете, в соответствии с которой экспериментальная психология замыкалась в рамках «схоластических» вопросов (о душевной субстанции, психической причинности и т. д.), мало связанных и с методологией естественнонаучных исследований, и с практикой воспитания. Хотя важность диалектики и материализма для психологии Корнилов, по существу, лишь декларировал, именно его статьи и выступления побудили научно-психологическую общественность осознать важность вопросов, действительно ключевых для психологии, — о диалектическом характере формирования психического, о роли в этом социального окружения, об активности личности и пр., — которые решались уже его учениками.

И.М. Кондаков